

ВАСИЛИЙ ЛОГАЙ

четыре
дня

Василий Логай

Четыре дня

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Логай В.

Четыре дня / В. Логай — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Главврач киевской больницы, Семён Яковлевич Гирш, выходит на пенсию. Его лучший друг, Николай Сергеевич Зорин, прилетает на праздничный банкет из США, где живёт последние 40 лет. Но в ресторан он так и не попадёт. В этой поездке его ждёт ошеломительный сюрприз. Именно в больнице Гирша он случайно встречает свою первую и единственную любовь – Ольгу Владимировну Крылову, связь с которой была потеряна более полувека назад. Все эти годы они безуспешно пытались найти друг друга и вот теперь пути пересеклись. Это был настоящий подарок судьбы. Но влюблённым пришлось заплатить за него самую высокую цену.

© Логай В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Василий Логай

Четыре дня

(История, которая вполне могла произойти...)

Глава первая

Зимний город бережно укрывал своих жителей каким-то особенным, почти волшебным, рождественским снегопадом. Необыкновенно большие снежинки, кружась, медленно опускались на плечи незамечающих их, охваченных предпраздничной суетой людей. Каждый куда-то спешил. Всем нужно было успеть купить подарки, поздравить своих близких и обязательно выполнить все пункты длинного списка приготовлений к главному семейному торжеству. Общую атмосферу приятного ожидания праздника удачно дополняли украшенные мишурой и ёлочными игрушками витрины магазинов, а также сияющие тут и там цифры «2010», всё ещё остававшиеся на своих местах после празднования наступления нового года. На улицах, между деревьями и столбами, на стенах и крышах домов горели тысячи разноцветных гирлянд и буквально отовсюду доносились знакомые с детства мелодии праздничных зимних песен.

От предвкушения рождества и приятных хлопот толпу прохожих ненадолго отвлекла сирена проезжающей мимо «Скорой помощи». Люди, замедлив шаг, проводили её взглядами, полными вполне искреннего сожаления и сострадания. Но, как только «Скорая» скрылась за поворотом, все тут же погрузились обратно в свои мысли и на лицах снова засияли улыбки.

В машине «Скорой» на очередной вызов ехал молодой фельдшер Максим Николаевич Агатов. Правда, по отчеству его называли исключительно пациенты, да и то – не все. Уж очень молодо он выглядел для своих 26 лет. На него, как и на каждого жителя города, действовало приближение рождества. Только в этом году совсем по-другому. Находясь в самый канун праздника на дежурстве, он смотрел в окно машины на проплывающие мимо зимние пейзажи такого знакомого, ставшего почти родным для него города, и думал о том, что в уходящем году он так и не приблизился к своей цели. Вот уже третий год подряд Максим не добирал нужное количество баллов на вступительных экзаменах в престижный медицинский университет, и вот уже третий год он вынужден был дежурить на «Скорой» и подрабатывать где придётся, чтобы свести концы с концами. Если честно, то этому дежурству Агатов был даже рад, потому что иначе ему пришлось бы отмечать рождество в полном одиночестве, в крохотной съёмной квартирке, которая стала давить на него ещё сильнее с момента, когда после, в общем-то, незначительной ссоры, он расстался со своей любимой девушкой Настей. Эту потерю он переживал тяжело. Но так как инициатором разрыва был он сам, – какая-то необъяснимая гордость не давала ему сделать первый шаг к примирению. А время шло, и вероятность возобновления их отношений таяла с каждым днём.

Пребывая в таком вот не весёлом подведении итогов года, Максим очнулся от громкого возгласа водителя «Ну, кажись тут... Приехали!». Почти в ту же секунду дверь открыли снаружи и молодой, взволнованный парень в униформе охранника выпалил:

– Доктор, скорее! Там женщина! Ей плохо. Она просто... ну как... вошла и сразу упала...

Охранник схватил Максима за рукав и буквально вытащил его из машины, а потом потянул за собой по дорожке ко входу в торговый центр, продолжая тараторить:

– ... и, главное, – ничего не произошло! Её никто не трогал! Просто вот стояла и упала... Так теперь там и лежит. Скорее, доктор!

– Я не доктор. Я фельдшер, – машинально поправил охранника Максим, входя в холл магазина.

В трёх метрах от крутящихся дверей, на полу, в окружении нескольких сочувствующих посетителей, лежала женщина. Она была в полубморочном состоянии, тяжело дышала, а на лбу выступали большие капли холодного пота. Как ни странно, в глазах её не было ни страха, ни даже простой обеспокоенности. Это была ухоженная, элегантно, хотя и не дорого, одетая дама преклонного возраста, с хорошо заметными следами былой красоты на бледном лице. Надевая на её руку тонометр, Максим поймал себя на мысли, что именно так должны выглядеть особы голубых кровей.

Проделав ряд необходимых в таких случаях тестов, Максим так и не сумел определить хотя бы предварительный диагноз. Многочисленные и взаимоисключающие симптомы разрушали одну его версию за другой. Ясно было одно: на месте ничего больше сделать нельзя. Нужна срочная госпитализация. Женщину тут же погрузили в машину и «Скорая» тронулась с места. По пути к больнице Максим опросил пациентку и внёс в карту вызова её личные данные. Это была Ольга Владимировна Крылова, 1939 года рождения. Именно она и станет одной из главных героинь нашей необыкновенной истории. Но обо всём по порядку.

По коридорам центральной больницы, куда везли Ольгу Владимировну, неспешно прохаживался главврач – Семён Яковлевич Гирш. Сегодня он работал последний день. Уже через 4 часа весь столичный бомонд собирался в шикарном ресторане на праздничный банкет по случаю его выхода на пенсию. Сам Гирш не любил пышных торжеств и не хотел отмечать это событие, но масштаб его фигуры в медицинском сообществе Киева обязывал. К тому же, банкет этот устраивал сам мэр, поэтому отказываться было попросту неудобно. Без пяти минут пенсионер испытывал сложную гамму эмоций. С одной стороны, он сожалел, что уходит из своей родной больницы, которой отдал 40 лет жизни, а с другой – радовался возможности, наконец-то, посвятить всё своё время внукам и путешествиям. Погружённый в свои мысли, главврач подошёл к окну и стал внимательно рассматривать открывающуюся из него панораму. Покрытые снегом крыши старого Подола и сверкающие под уставшими лучами вечернего солнца купола церквей завораживали. Вид был великолепен! Странно, но никогда ранее Семён Яковлевич этого не замечал. Всё как-то был занят. А тут вдруг он понял, что после выхода на пенсию его ждут десятки, а то и сотни таких же вот замечательных ежедневных открытий. Настроение его заметно улучшилось, и в эту секунду зазвонил мобильный.

– Алло! Это счастливый пенсионер всесоюзного значения? – послышался в трубке знакомый, хриплый голос.

– Не всесоюзного, а мирового! Бери выше! – Отшутился Гирш.

– Ах, да... Всё забываю. Склероз, знаете ли. Что поделаешь? Годы...

– Да перестань, Зорин! Какие там годы? Ты ещё в своей Америке президентом станешь!

– Обязательно! Вот только отгуляю на твоей отходной и начну предвыборную кампанию! Я прилетел, Сёма! Уже в такси.

– Молодец! Давай сразу ко мне в больницу, а отсюда уже вместе в ресторан поедem.

– Добро. Скоро буду. Эх, гульнём сегодня!

– Давай – давай, гуляка, жду!

Всё время телефонного разговора искренняя улыбка не сходила с лица сурового главврача. Так было всякий раз, когда он думал о Зорине. Уже почти полвека Николай Сергеевич жил в далёкой Америке, но при этом продолжал оставаться очень близким для Семёна Яко-

влевича человеком. Вот и сейчас Гирш был искренне рад приезду друга. Находясь в предвкушении приятной встречи, он не заметил, как за спиной открылись двери грузового лифта. Из него вышел Максим, толкая перед собой каталку с пациенткой и, подойдя вплотную, оригинальной и неожиданной фразой, вывел начальника из меланхолического ступора.

– Семён Яковлевич, разрешите скромному будущему министру здравоохранения категорически поздравить вас с выходом на заслуженный отдых!

Слегка опешив от такого напора, главврач всё же быстро пришёл в себя и ответил в духе своей обычной строгости:

– А вот «будущий министр здравоохранения» легко может схлопотать сейчас пару внеочередных дежурств за несоблюдение субординации. Я, как-никак, ещё 3 часа имею право подписывать приказы в этой больнице!

– Неужели вы накажете своего лучшего фельдшера всего-то за дар предвидения? – с важным видом пошутил Максим.

– За это – нет. Тем более, что дар этот – весьма сомнителен. А вот за нарушение правил ведения документации наказать бы надо!

С этими словами Семён Яковлевич взял в руки карту вызова и, указывая на незаполненное поле бланка, продолжил:

– Где сведения о предварительном диагнозе, Максим Николаевич?

Максим тут же оставил шутливый тон и виновато произнёс:

– Там, понимаете, такой букет симптомов... Я первый раз такое встречаю. Не знаю, что и думать.

– Эх, молодёжь... А знаешь, сколько у тебя ещё впереди этих «первых раз»? Поэтому ты всё ещё фельдшер и до министра пока далековато. Ну что ж, давай разбираться. Добрый вечер, уважаемая... – (намётанный глаз профессионала быстро отыскал в карте имя пациентки) – Ольга Владимировна! Разрешите представиться, – Семён Яковлевич Гирш. Главный врач этого богоугодного заведения. Для начала, Максим, давай-ка отвезём больную в отдельную ВИП – палату. Не благодарите, Ольга Владимировна! Во-первых, она всё равно стоит пустая, а во-вторых в канун рождества, перед уходом на пенсию я просто обязан сделать что-нибудь хорошее. Такое у меня сегодня настроение. Вы езжайте, а я к вам сейчас зайду.

Максим, подчиняясь приказу, покатиł кровать с Ольгой Владимировной в палату ВИП, по дороге расхваливая главврача.

– Вы не представляете, это – такой человек! Вам очень повезло, что он сам вами займётся. Он-то быстро определит диагноз и назначит правильный курс лечения. Вы поправитесь!

Максим продолжал говорить, стараясь хоть как-то поднять «боевой дух» незнакомой пожилой дамы. Но она словно не слышала его, смотря прямо перед собой и стараясь улыбаться сквозь боль. От неё исходило какое-то безграничное страдание, причём не только явное – физическое, но и гораздо более глубокое – душевное. Максиму очень хотелось помочь ей. Он поинтересовался, кому из родственников можно сообщить о случившемся, но оказалось, что Ольга Владимировна совершенно одинока. И это обстоятельство делало ситуацию ещё печальнее. Пока Максим пытался найти более или менее подходящие слова, чтоб поддержать пациентку, в палату вошёл Гирш.

– Итак, приступим к делу. Госпожа Крылова, простите нашего фельдшера за недостаток опыта. Сейчас мы постараемся исправить положение и установить ваш диагноз. Для этого нам понадобится проделать ряд исследований и тестов.

До этого момента лежавшая неподвижно Ольга Владимировна привстала и, повернувшись к Семёну Яковлевичу, спокойным тоном тихо сказала:

– Вы не ругайте Максима Николаевича. Дело не в его опыте и знаниях. Просто случай мой встречается крайне редко. Два месяца назад у меня диагностировали острый миелоидный лейкоз в завершающей стадии. Не утруждайтесь проверять правильность диагноза. Ошибки быть не может. Там у меня в сумке папка с врачебным заключением и результатами всех анализов и обследований. Максим, подайте папку Семёну Яковлевичу, пожалуйста.

Максим выполнил просьбу и, достав папку из сумки, передал её главврачу. Бегло ознакомившись с её содержанием, Гирш изменился в лице. Он прекрасно понимал, что означал это вердикт врачей. Забыв о своём «фирменном» стиле общения с больными через шутки-прибаутки, Семён Яковлевич с плохо скрываемым сожалением в голосе спросил:

– Но... Вы ведь понимаете, что...

– Что я умру? Безусловно. И скорее всего я больше уже не встану с этой кровати. Не скрою, я думала, это произойдёт чуть позже и у меня ещё есть несколько недель. Но... Что ж, так тому и быть. Значит, свои последние дни я проведу в этой палате. Не самый плохой вариант, не так ли?

Видавший многое за свою долгую практику главврач был почти шокирован тем спокойствием и рассудительностью, с которыми столь страшные слова произносила эта сильная женщина. Он попытался, было, что-то возразить:

– Но, послушайте, мы ведь можем...

– Перестаньте. – Резко оборвала его пациентка и тоном, не терпящим возражений, продолжила. – Ничего вы не можете. Только не перебивайте меня. Там же, в моей сумке есть кошелёк. В нём деньги. Их вполне хватит на оплату моего пребывания здесь и даже останется ещё. Фактически всё, что вы способны сделать для меня – это обеспечить уход и обезболивающие препараты. Большого от вас я и не прошу. А учитывая моё самочувствие, эту ВИП-палату я займу ненадолго.

С трудом выходя из оцепенения, Семён Яковлевич растерянно произнёс:

– Не знаю, что и сказать...

– А ничего не говорите. Просто соглашайтесь. И ещё: прикажите вколоть мне что-то посильнее. У меня внутри кости как будто горят.

Эту фразу Ольга Владимировна сказала через силу, с трудом сдерживаясь, чтоб не закричать от боли. Гирш засуетился. Он открыл чемоданчик, с которым пришёл, достал из него ампулу морфина и сказал:

– Максим, возьми. Срочно вколи два куба внутривенно. Ольга Владимировна, сейчас станет легче.

И действительно, сразу же после введения морфина, боль прошла. Ольга Владимировна облегчённо вздохнула и попросила принести ей чай. В дверь постучали. Через приоткрытые жалюзи окна палаты в коридоре был виден силуэт крупного мужчины. Он постучал снова, теперь уже в окно, и громко позвал:

– Семён! Ну, ты где там? А ну, выходи!

Семён Яковлевич открыл дверь и, едва сделав шаг в коридор, тут же оказался в объятиях Зорина.

Грусть и сострадание в его сердце быстро уступили место радости от встречи с другом.

– Приехал-таки, империалист проклятый! – проговорил Семён Яковлевич, крепко обнимая дорогого гостя.

– А как же? Ты ж нас, капиталистов, знаешь... Жадные мы больно! Ну не мог я пропустить бесплатный банкет с настоящей водкой и икрой. Поехали в ресторан!

– Это мы мигом. Сейчас вот только подпишу бумаги о госпитализации, – и поедем.

Говоря это, главврач выронил из рук планшет с картой пациентки. Он упал к ногам Николая Сергеевича. Зорин нагнулся, поднял планшет, чтобы передать его другу и поинтересовался:

– Тааак... И как же зовут последнего в твоей карьере пациента? Это ж надо запомнить, сообщить всем на банкете, поднять тост за его здоровье...

С этими словами Николай Сергеевич стал искать в бумагах имя больного. Не дожидаясь результатов поисков, Семён Яковлевич с сожалением произнёс:

– Эту пациентку я и так запомню на всю жизнь. Случай уж очень редкий. Зовут её Ольга Владимировна Крылова.

В ту же секунду с лица Зорина исчезла улыбка, он перестал листать бумаги и напряжённо переспросил:

– Как? Как ты сказал?

– Ольга Владимировна Крылова. А что?

– А дата рождения? – взволнованно спросил Зорин.

Гирш задумался, а Николай Сергеевич начал судорожно искать эту информацию в карте больного и через мгновение нашёл её.

– Пятнадцатое августа 1939 года... – медленно прочитал он, сильно побледнев.

– И? – насторожился Гирш.

Зорин не отвечал. Он молча, медленно подошёл к палате и, уткнувшись лицом в окно, пытался разглядеть что-то внутри, тяжело дыша.

– Коля, что с тобой?! – Не на шутку испугался Семён Яковлевич. – Коля!

Николай Сергеевич обернулся и тихо произнёс:

– Сёма, это – она... Это – моя Оля.

Едва успев произнести это, он схватился за грудь и медленно, облокотившись спиной о стену, опустился на пол. Предметы вокруг него стали расплываться, а в ушах появился странный низкочастотный шум, через плотный занавес которого время от времени доносились обрывки криков:

– Быстрее!.. Срочно на ЭКГ!.. Нужен анализ крови!

Постепенно эти крики стихли, и Зорин отключился.

Глава вторая

Максим вернулся с чашкой в руках в палату Крыловой. Он поставил чай на тумбочку у кровати и спросил:

– Как вы себя чувствуете, Ольга Владимировна?

– Бывало и лучше... Но могло быть и значительно хуже! – ответила она через силу улыбаясь.

– Шутите? Правильно! Юмор – это хорошо. Ваш внутренний настрой – это ведь тоже лекарство.

– Конечно! При моём диагнозе вообще лучшее лекарство – это внутренний настрой! Ну и немного морфия... – Ольга Владимировна взяла чашку и сделала первый глоток. – Спасибо за чай, Максим. С мёдом и мятой... Прямо как я люблю.

– Это чтоб заснуть было легче. Вам бы нужно поспать. Отдохните.

– В последнее время это трудно. Раньше я читала на ночь. А вот теперь зрение совсем не то. Даже в очках ничего не вижу.

– А давайте, я вам почитаю! – С готовностью предложил Максим.

– Даже не знаю... Как-то не удобно. – Засомневалась Ольга Владимировна.

– Да что вы! За те деньги, которые вы платите за ВИП-палату, вам должны не только читать, но даже и спектакли показывать всем персоналом! Да к тому же спешить мне некуда. Семён Яковлевич меня с дежурства на «Скорой» снял и к вам прикрепил. Так что не стесняйтесь. Что вы любите? У нас тут в больнице есть замечательная библиотека.

– Ну, раз такое дело, то в библиотеку идти не надо. Достаньте из моей сумки книгу. Это единственный экземпляр моих мемуаров. Всегда ношу с собой, хотя ни разу не прочла после того, как её напечатали. Всё из-за проблем со зрением.

Максим достал из сумки книжку. Она явно была изготовлена на скорую руку, в каком-то провинциальном печатном салоне. Страницы были подрезаны не ровно, а их скрепление было сделано так небрежно, что книжка не закрывалась. Но переплёт был сделан вручную и очень тщательно. Из качественной коричневой кожи, с теснением в форме инициалов «О.В.К.».

Увидев вопросительный взгляд Максима, Ольга Владимировна пояснила:

– Переплёт я заказала мастеру много лет назад, когда только решила писать мемуары, но работа затянулась надолго. Последнюю главу я дописала буквально пару недель назад и зная о своём диагнозе я просто не могла ждать, пока книгу напечатают в хорошей типографии. В конце концов, мне было важно успеть подержать в руках готовый экземпляр. Поэтому получилось то, что получилось.

– А буквы на обложке – ваши инициалы... – догадался Максим.

– Конечно. Это ведь мои воспоминания. Их пока никто не читал. Вы будете первым, если, согласитесь.

– С удовольствием! Предлагаю начать прямо сейчас. Устраивайтесь поудобнее и слушайте.

Максим присел в кресло рядом с кроватью, открыл книгу на первой странице и начал читать вслух:

«Родилась я 15-го августа 1939 года в селе Роздол, Николаевской области. Родителей своих совсем не помню. Папу забрали на фронт в первые дни войны, и вскоре убили в бою. А мама погибла в сентябре 41-го под бомбёжкой. Я осталась жить с бабушкой, но почти сразу после войны она тоже умерла. Оставшись круглой сиротой, в 1946 году я попала в детский дом-интернат районного центра Вознесенска. Жизнь в интернате не была сладкой. Несмотря на огромную надпись над входом «Спасибо товарищу Сталину за

наше счастливое детство!», счастьем там и не пахло. Кроме постоянной нужды буквально во всём (начиная от одежды и обуви, заканчивая едой и лекарствами), каждый воспитанник вынужден был жить по суровым законам улицы, которые царили в интернате. Потерявшие родителей и озлобленные войной дети строили систему отношений по принципу «Кто сильнее, тот и прав». Администрация даже не пыталась прекратить рукоприкладство и дедовщину. То ли они не считали это серьёзной угрозой детям, то ли настолько были поглощены простой задачей накормить и одеть всех нас, что времени и сил на остальное попросту не оставалось. Очень скоро и я прочувствовала на себе всю прелесть «неуставных отношений». Старшие ребята отнимали у меня хлеб в столовой, заставляли дежурить в классе вместо них, ставили мне подножки и дразнили обидными словами. Как-то одноклассница, застав меня в слезах, сказала: «Не плачь. Ну, дураки они. Что с них взять? Ты не переживай. Скоро им надоест тебя трогать, они найдут себе новую жертву. Так всегда бывает. Потерпи». Слова эти меня ничуть не успокоили, но она оказалась права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.